

Во-вторых, сотрудники информационно-аналитических структур участвуют в дискуссиях, конференциях, публикуются в СМИ, тем самым концептуально оценивая как внутреннюю, так и внешнюю политику. В-третьих, они напрямую влияют на проводимую политику, закладывая определённые идеи и концепции в доклады, рекомендации, отчёты и послания высокопоставленных лиц.

Исходя из этого можно сказать, что информационно-аналитические центры в современном обществе выступают как концептуальная власть, которая «разрабатывает замысел жизнеустройства общества (концепцию) и бесструктурно имплицитно внедряет ее в массовое сознание общества» [1, с.132]. И как пишут современные исследователи: «концептуальная власть аккумулирует мировоззренческую информацию, позволяющую видеть общий ход развития, и на основе этого формирует концепции достижения целей развития страны. При этом отсутствие у государства собственной концепции становления и развития означает не отсутствие в нем концептуальной власти, а управление им по чуждой концепции» [2, с. 75–76].

Из этого можно сделать вывод, что информационно-аналитические центры имеют двойственную природу. С одной стороны, в современной политической системе они выступают в качестве институтов информационно-аналитического обеспечения субъектов политического процесса. А с другой стороны, они сами выступают в качестве субъектов политического процесса, способных влиять на проводимую политику и общественное мнение.

Литература

1. *Солонько И. В.* Феномен концептуальной власти: социально-философский анализ: монография. Москва, 2011.
2. *Крапивина Н. С., Питеркин И. В.* Государство как система // Вестник Совета Федерации. 2008. №12. С. 75–76.

К ВОПРОСУ О ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ ЗАКРЕПЛЕНИИ ПОНЯТИЯ «БЕЗОПАСНОСТЬ»

Т. Ф. Третьяк

Термин «безопасность» все чаще используется в научных работах политологов, правоведов, социологов, а также в программных документах. Однако некоторые исследователи считают понятия «безопасность», «государственная безопасность», «национальная безопасность» синонимичными, что нам представляется не совсем корректным. Подобная несогласованность, многообразие подходов подчеркивает значимость четкого опреде-

ления понятия, выработки единой трактовки и регламентации для придания единообразия законодательству, регулирующему сферу безопасности.

Прежде, чем закрепить какой-либо термин, необходимо провести комплексное доктринальное исследование. По мнению российского исследователя Н.С. Бондаря, «безопасность – категория конституционная, нормативно-правовое содержание которой пока не получило должного научного обоснования»[1, с.8]. Российский правовед А.В. Герасимов, подчеркивая степень значимости понятия, считает необходимым закрепить в Конституции Российской Федерации «право человека на безопасность»[2,с.24].

Таким образом, понятие «безопасность» нами будет рассмотрена как комплексная и многоаспектная категория.

Считаем необходимым определить как само понятие «безопасность», так и субъектов его обеспечения.

На наш взгляд, исходя из приведенных положений, термин «безопасность» допустимо рассматривать как оценочную характеристику, применительно к состоянию государства, или как самостоятельную категорию, наряду с понятием «суверенитет».

В первом случае, «безопасность» как оценочная характеристика состояния государства включает в себя:

1. отсутствие внешних и внутренних угроз государственной безопасности в целом;
2. возможность реализации личностью своих прав и обязанностей, наличие условий для развития и самовыражения всех социальных структур общества.

Во втором случае, «безопасность» представляет собой самостоятельное комплексное, многоаспектное и многоуровневое понятие и рассматривается через компоненты: «международная безопасность», «государственная безопасность», которую можно рассмотреть через внутренний («национальная безопасность») и внешний («внешняя безопасность») компоненты. Приведенная нами характеристика актуальна ввиду того, что законодатель использует ряд терминов, которые не раскрывает.

Хотелось бы привести некоторые из них:

- «сфера национальной безопасности» (п. 2 Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь № 575 от 09.11.2010 [3] (далее—Концепция));
- «механизм обеспечения национальной безопасности» (п. 62 Концепции), «внешняя безопасность» (статья 361 Уголовного кодекса Республики Беларусь);

- «государственная безопасность», «органы государственной безопасности» (Закон Республики Беларусь от 10.07.2012 № 390-З «Об органах государственной безопасности»[4] (далее – Закон)).

Применительно к субъектному составу обеспечения безопасности, ввиду положений Концепции и Закона, представляется возможным провести следующую классификацию. Категория «субъекты, обеспечивающие безопасность», включает в себя субъектов, обеспечивающих государственную безопасность, в соответствии с положениями Закона (Комитет государственной безопасности), и субъектов, обеспечивающих национальную безопасность.

К последним, в соответствии с п. 45 Концепции, допустимо относить государственные органы (в главе 9 приведен перечень органов законодательной, исполнительной и судебной власти), общественные организации и граждан. Ни Концепция, ни Закон не содержат положения, определяющие взаимодействие субъектов обеспечения государственной безопасности и субъектов обеспечения национальной безопасности. Это вызвано отсутствием в законодательстве определенности с категориями «государственная безопасность» и «национальная безопасность».

Проанализировав положения законодательства, можно также провести классификацию субъектного состава по критерию наличия властных полномочий.

Исследовав опыт Российской Федерации и Украины, считаем целесообразным, наряду с программным документом – Концепцией, разработать Закон Республики Беларусь «О государственной безопасности», в котором предусмотреть направления и цели обеспечения безопасности в сферах внешней политики, таможенного дела, обороноспособности, внешнеэкономической деятельности, регламентировать компетенцию различных субъектов обеспечения безопасности.

Концепция представляет собой концептуальную основу обеспечения безопасности, совокупность декларативных идеологических положений, поэтому, полагаем, целесообразно перенять российский опыт и переименовать Концепцию в Стратегию, которая будет представлять собой определенный «план развития», с четко регламентированными сроками и положениями. Также, п. 4 Концепции необходимо дополнить терминами «международная безопасность», «государственная безопасность», «правовая безопасность», «интеллектуальная безопасность».

Данные преобразования целесообразны как для усовершенствования национального законодательства, так и унификации и гармонизации существующего законодательства в рамках интеграционных объединений, в которых состоит Республика Беларусь. Например, в рамках Союзного государства России и Беларуси.

По мнению Е.А. Терешинной, в обеспечении безопасности на постсоветском пространстве по географическому критерию можно выделить несколько субрегиональных уровней:

- кавказский (Азербайджан, Армения);
- центральноазиатский (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан);
- восточно-европейский (Беларусь, Украина, Молдавия)[5].

Российская Федерация в каждом субрегионе исполняет роль ключевого фактора в формировании процессов региональной безопасности на постсоветском пространстве, особенно, в межгосударственных отношениях с Республикой Беларусь.

Указ Президента РФ от 14.09.1995 N 940 (ред. от 31.08.2005) "Об утверждении Стратегического курса Российской Федерации с государствами – участниками Содружества Независимых Государств"[6] (далее – Указ № 940) определил основные направления сотрудничества, в том числе, и в области обеспечения безопасности. Раздел III вышеназванного документа именуется «национальная безопасность», что представляется неверным, учитывая консолидированные действия нескольких государств по обеспечению безопасности. Целесообразнее, на наш взгляд, употребление термина «безопасность надгосударственного формирования» или «международная безопасность» (учитывая надгосударственный характер СНГ).

Так, п. 12 Указа № 940 закрепляет стремление к созданию системы коллективной безопасности на основе Организации Договора о Коллективной Безопасности от 15 мая 1992 г (далее – ОДКБ) и двусторонних соглашений между государствами СНГ, поощрению намерения государств – участников ОДКБ объединиться в оборонный союз на базе общности интересов и военно-политических целей.

Таким образом, на постсоветском пространстве, особенно между Беларусью и Россией, наряду с интеграционными процессами происходит активное сотрудничество в сфере обороноспособности. Проходят учения, обмен опытом, создается модельное законодательство. Хотелось бы подчеркнуть, что Республика Беларусь не является «буферной зоной» между Российской Федерацией и Европейским Союзом, а представляет собой самостоятельного стратегического партнера в рамках построения единого оборонного пространства.

Также, на наш взгляд, программные документы должны разрабатываться и приниматься в рамках межгосударственных интеграционных объединений. На наш взгляд, целесообразно разработать Концепцию безопасности Союзного государства России и Беларуси. Однако этот процесс осложняется отсутствием базисного документа Союзного государства – Конституционного Акта.

Литература

1. *Бондарь, Н.С.* Конституционный Суд России – гарант конституционной безопасности личности, общества, государства / Н.С. Бондарь // Проблемы права. – 2004. – № 1. – С. 6–14.;
2. *Герасимов, А.В.* Органы государственной безопасности в механизме правового государства: теоретико-правовой аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / А.В. Герасимов ; Краснодар. акад. МВД России. – Краснодар, 2004. – 24 с.;
3. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь, Указ Президента Респ. Бел., 9 ноября 2010 г., № 575// Консультант Плюс : Версия Проф. [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2014.
4. «Об органах государственной безопасности», Закон Респ. Беларусь, 10 июля 2012 г., № 390-3// Консультант Плюс : Версия Проф. [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2014.
5. *Терешина Е.А.* Проблемы безопасности в восточно-европейских государствах постсоветского пространства. Cyberleninka [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/problemy-bezopasnosti-v-vostochno-evropeyskih-gosudarstvah-postsovetskogo-prostranstva-1>. – Дата доступа: 02.05.2014.;
6. Об утверждении Стратегического курса Российской Федерации с государствами – участниками Содружества Независимых Государств: Указ Президента Рос. Федерации, 14 сентября 1995 г., № 940 // Консультант Плюс: Версия Проф. [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2014.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ПРАВА НА ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НАИМЕНОВАНИЯ МЕСТА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ТОВАРА

О. О. Ядревский

Наименование места происхождения товара (далее – НМПТ) является объектом интеллектуальной собственности, а именно, средством индивидуализации товара (ст. 980 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК Беларуси)). Вместе с тем, право на использование НМПТ имеет свою специфику, что отличает его от иных средств индивидуализации, в частности, товарных знаков.

Так, в соответствии с п. 2 ст. 982 ГК Беларуси обладателям права на средства индивидуализации принадлежат в отношении этих средств имущественные права. Далее, по п. 1 ст. 983 ГК Беларуси обладателю имущественных прав на результат интеллектуальной деятельности (за исключением секретов производства (ноу-хау)) или средство индивидуализации принадлежит **исключительное право** правомерного использования этого объекта интеллектуальной собственности по своему усмотрению в любой форме и любым способом [1].

При этом в теории гражданского права подчеркивается, что исключительное право предоставляет его владельцу полномочия **единолично**